

Патрик Зачманн/Magnum для Нью-Йорк таймс
Марсель Марсо в перерыве между репетициями своего нового парижского шоу.

Нью-Йорк таймс. - 1994. - 17 янв. - с. 56.

Можно все сказать, не говоря ни слова

АЛАН РАЙДИНГ

ПАРИЖ

«ДУМАЮ, что я в пантомиме, как Пикассо в живописи», - сказал Марсель Марсо в перерыве между репетициями своего нового шоу в комплексе Пьера Кардена на Елисейских полях. - В 80 лет Пикассо был молод. Если я сохраняю форму, то у меня есть по крайней мере еще 10 лет. Этим я хочу ободрить всех, кому за 50, 60 и 70. Я не думаю о возрасте. Я думаю о жизненных силах и творчестве».

И в 70 лет у г-на Марсо - самого известного мима - все еще много работы. С тех пор, как в 1964 году распался его собственный театр пантомимы, он впервые, благодаря субсидии Министерства культуры Франции, смог организовать новую труппу, на этот раз из выпускников своей школы пантомимы. Эти молодые артисты - его наследие. И они должны добиться успеха, если его школе мимического искусства суждено жить. В них будет продолжаться его имя.

Казалось, что находясь вне сцены, г-н Марсо стремится рассказать о всей своей жизни. Он быстро говорил по-английски, густо пересыпая речь французскими словами: около 15 тысяч спектаклей в более чем 100 странах, выступал перед президентами, принцами и бедняками словно кто-то сомневается в его славе. В раскатыстом голосе артиста звучала настойчивость, из-под кустистых бровей на вас смотрели напряженные серые глаза. Он говорил сразу обо всем: сейчас - о прошлом, а в следующую секунду - уже о будущем, но всегда очень убедительно.

Его неиссякаемая одержимость состоит в том, чтобы доказать завистливому миру искусства, что пантомима - это тоже искусство, что она завоевала свое место на театральных подмостках так же, как пьеса и танец. «Для пантомимы необходимо совершенство», - сказал он, наклоняясь вперед и для убедительности сжимая кулак. - В пьесе половину составляет талант актера, половину - талант автора. В пантомиме все зависит от тебя самого».

«Между танцем и пантомимой - огромная разница», - продолжал он. - Весь танец происходит в воздухе, состоит из пирюэтов. Пантомима же разворачивается на полу, как испанский танец, и нередко очень медленно». Он поднял руку и провел ладонью по невидимой стене. «Она больше похожа на йогу, глубокое дыхание, ощущение глубины, силы. Иногда она похожа на военное искусство».

Без грима

С помощью своей труппы г-н Марсо обращается к детям, привлекает их в театр, учит их «универсальности культуры», вводит воспитанное телевидением поколение в волшебный мир молчания и фантазии. «Я не хочу, чтобы наша молодежь забыла романтику», - сказал он. - Мы должны создать пространство для души».

Г-н Марсо был без белого грима, обычно скрывающего морщины измученного лица. Усталый, в дубленке, накиннутой на гибкое худое тело, он давал свое интервью на пустовавших сейчас красных оркестрантских стульях. Но его глаза, лицо, руки

находились в постоянном движении, как будто одних слов было недостаточно.

«Искусство пантомимы - это искусство превращений», - объяснял он. - Оно не сильнее слов. В пантомиме нельзя выразить то, что лучше можно выразить словами. Надо сделать выбор. Искусство пантомимы идет дальше слов. Это искусство самого основного. Здесь нельзя лгать. Публика должна понимать, что думает мим, что он переживает. Вот почему так трудно описать пантомиму. Это надо видеть».

Почти все, о чем хочет поведать Марсо, рассказывает Бип - похожий на Дон Кихота образ с белым лицом и в цилиндре с приколотым к нему красным цветком; этот образ появился еще в 1947 году. Сегодня в репертуаре Бипа 44 истории, каждая из которых - медленный мимический рассказ-танец о человеческих слабостях, вторжение в мир комедии, трагедии и сатиры. Например, в «Создателе масок» он как бы примеряет разные невидимые маски, пока вдруг одна из них не прилипает к лицу странной усмешкой. Наконец снята и она, и перед нами предстает испуганное лицо сломленного человека.

«Я в пантомиме, как Пикассо в рисунке», - говорит о себе 70-летний мим Марсель Марсо.

Марсо просто хочет заставить публику увидеть, почувствовать и услышать невидимое. И время здесь не преграда. В одной из самых известных своих реприз он изображает четыре периода человеческой жизни - юность, зрелость, старость и смерть - всего за четыре минуты. «Создание» продолжается немногим дольше - от первых признаков жизни на земле, когда с помощью его рук оживают первые рыбы и птицы, и до того момента, когда спустя миллионы лет Адам и Ева покидают Эдем.

Он глубоко верит в технику мастерства, и студенты Международной школы мимического искусства Марселя Марсо в Париже изучают классический и современный танец, жонглирование, фехтование, акробатику, а также джаз и мимику. Но на просмотрах он обращает внимание не только на физические данные. «Будущие студенты должны обладать природным чувством движения», - сказал он. - Им необходимы данные балетных танцовщиков, но они должны иметь и внутреннюю силу. Они должны иметь душу актера».

Марсо поддерживает форму, дважды в неделю проводя занятия со студентами, давая 200 вечерних спектаклей в год и избегая табака, спиртного и мяса. Он считает, что с возрастом его стиль стал более зрелым. «Когда я начинал, я ловил бабочек», - объяснил он, говоря об одном из своих ранних скетчей. - Позже я начал вспоминать войну, стал смотреть и думать глубже - о страданиях, одиночестве, борьбе человеческой души с роботами».

Мим от Бога

Он не рассказывает о второй мировой войне, но она оставила свой отпечаток. Его отец-еврей (мясник из Страсбурга) был депортирован в Германию и умер там в концентрационном лагере в 1944 году. К тому времени молодой Марсо вступил в Сопротивление и после освобождения Франции служил на Рейне в Первой французской армии. Демобилизовавшись, он поступил в театральную школу, чтобы впоследствии стать драматическим актером. Именно там он познакомился с Этьенном Декру, самым известным мимом того времени, который сказал, что г-н Марсо - «прирожденный мим». И после этого, так сказать, он перестал говорить.

И все же Бип это в большой степени создание самого г-на Марсо, так как этот образ, похоже, отражает одиночество самого артиста. Например, в редкие моменты, когда он не занят в театре, г-н Марсо больше всего любит рисовать, что само по себе является молчаливым отражением реальности. У него четверо взрослых детей от двух браков. Если г-н Марсо не находится в разъездах, он живет один в своем загородном доме в Берчере, что в 60 километрах западнее Парижа. Действительно, посвятить почти 30 лет театру одного актера - разве это не своего рода мера собственной независимости?

Он всегда мог рассчитывать на преданность своих поклонников, особенно в США. Например, он всегда помнит, что американская публика признала его до того, как он был признан у себя во Франции. «Когда я вернулся в Париж после шумного успеха на Бродвее в 1955 году, все изменилось», - вспоминает он. С тех пор он почти каждый год приезжает в Америку.

2